

Глава I

НА ЛОВЛЕ

В наше время, хотя едва ли стоит упоминать, в каком именно году, между Саутуоркским мостом, построенным из чугуна, и Лондонским, построенным из камня, в один ненастный осенний вечер по Темзе плыла грязная и подозрительная с виду лодка, в которой сидели два человека.

Один из них был крепкий старик с лохматой седой головой и загорелым лицом, а другая — девушка лет девятнадцати-двадцати, смуглая и настолько похожая на старика, что в ней сразу можно было узнать его дочь. Девушка гребла, легко взмахивая веслами; старик не правил рулем: засунув руки за пояс, он зорко смотрел на воду. У него не было ни сети, ни удочки с крючками, и потому он не мог быть рыбаком; лодка была некрашенная, без надписи, без подушки для пассажира — в ней не было ничего, кроме ржавого багра да свернутой кольцом веревки — поэтому он не мог быть и лодочником; самая лодка была слишком неустойчива и мала для того, чтобы перевозить в ней грузы, — поэтому он не мог быть ни перевозчиком, ни бакенщиком. Непонятно было, чего именно он ищет на реке,

но он чего-то искал настороженным и зорким взглядом. Час тому назад начался отлив, вода в реке убывала, и старик легким кивком головы указывал дочери, как вести лодку: то против течения, то по течению, обгоняя отлив и держась вперед кормой; он зорко вглядывался в каждую струйку, в каждый водоворот на широкой полосе отлива. Девушка следила за отцом так же настороженно, как он следил за рекой. Но в настороженности ее взгляда был заметен и какой-то страх, даже отвращение.

Покрытая илом и речной тиной, вся разбухшая от воды и потому более сродни подводной, чем надводной стихии, эта лодка с двумя людьми в ней, по-видимому, делала свое привычное дело и искала то, чего издавна привыкла искать. Без шапки, взлохмаченный, с оголенными выше локтя загорелыми руками и сквозящей под космами бороды голой грудью, едва прикрытой концами кое-как завязанного шейного платка, старик глядел полудикарем, однако по его деловито-сосредоточенному виду заметно было, что это занятие ему знакомо с давних пор. Привычка к делу сказывалась и в каждом движении девушки, в каждом повороте ее гибкой фигуры, быть может, больше всего в ее взгляде, выражавшем страх и отвращение, — видно было, что все это для нее не ново.

— Прибавь ходу, Лиззи. Тут сильное течение. Постарайся его обогнать.

Положившись на ловкость девушки и уже совсем не правя рулем, старик сосредоточенно вглядывался в волны настигавшего лодку отлива. Дочь так же внимательно следила за ним самим. Но вот косой луч заходящего солнца случайно упал на дно лодки и, коснувшись темного пятна гнили, похожего на закутанное человеческое тело, словно залил его кровью. Девушка невольно вздрогнула.

— Что с тобой? — спросил отец, который сразу это заметил, как ни занимал его двигавшийся вместе с лодкой отлив. — По воде ничего не плывет.

Красный луч погас, девушка успокоилась, и старик, обернувшись на мгновение и окинув лодку быстрым взглядом, снова стал смотреть в воду. Там, где сильное течение встречало какую-нибудь помеху, его взгляд всегда задерживался. Алчно горящие глаза рыскали по цепям и канатам причалов, по стоявшим на якоре лодкам и баржам, за кормой которых течение расходилось веером, по быкам и устоям Саутуоркского моста, по колесам пароходов, взбивавшим грязную пену, по стянутым скрепами звеньям плотов, спущенных на воду около верфей. Прошло не меньше часа, уже темнело, как вдруг старик взялся за руль и, круто свернув налево, стал править к сэррейскому берегу¹.

Не спуская с него глаз, девушка послушно отозвалась на его движение, снова заработав веслами: лодка повернулась кругом, вздрогнула, словно от толчка, и старик всем туловищем перегнулся за корму.

Девушка натянула на голову капюшон плаща, закрыв им все лицо, и направила лодку вниз по реке, обгоняя отлив. До сих пор лодка вертелась почти на одном и том же месте, едва справляясь с отливом, теперь же берега быстро летели мимо: мелькнули сгустившиеся тени и загорающиеся огни Лондонского моста, — и с обеих сторон снова потянулись ряды кораблей.

Только теперь старик разогнулся и сел в лодке по-прежнему. Руки его были мокры и грязны, он вымыл их за бортом. В правой руке он что-то держал, и это что-то он тоже прополоскал в реке. Это были деньги. Прежде чем

¹ Сэррейский берег — южный берег Темзы в пределах графства Сэррей; часть графства входит в состав Лондона.

положить монеты в карман, старик звякнул ими, подул на них и поплевал — на счастье, как объяснил он хриплым голосом.

— Лиззи!

Девушка, вздрогнув, повернулась к нему лицом, но продолжала грести молча. Она сильно побледнела. Крючковатый нос старика вместе с блестящими глазами и взъерошенными космами волос придавал ему сходство с потревоженным стервятником.

— Открой лицо!

Она отбросила капюшон.

— Вот так! И давай мне весла. Теперь я сам буду грести.

— Нет, нет, отец! Я, право, не могу. Отец! Не могу я сидеть так близко к нему.

Он двинулся было к ней, чтобы перемениться местами, но, видя ее испуг, снова сел на место.

— Что он тебе может сделать?

— Ничего не может, я знаю. Только мне этого не вытерпеть...

— Ты, кажется, реки видеть не можешь.

— Я... я ее не люблю, отец.

— А ведь ты рекой живешь! Ведь она тебя кормит и поит!

Девушка снова вздрогнула и на минуту выронила весла: она была близка к обмороку. Старик этого не заметил — он глядел в воду, на то, что тянулось на буксире за кормой лодки.

— Как тебе не стыдно, Лиззи! Ведь река твой лучший друг. Уголь, который согревал тебя в младенчестве, и тот я вылавливал из реки, возле угольных барок. Корзинку, в которой ты спала, и ту выбросило на берег приливом. Даже качалку для твоей колыбели я сделал из обломка, выкинутого на берег волной.

Лиззи, положив весло, поднесла правую руку к губам и ласково послала отцу воздушный поцелуй. Но только что она взялась снова за весла, как вторая лодка, с виду очень похожая на первую, но не такая грязная, бесшумно выскользнула из тени и пошла рядом.

— Опять повезло, Старик? — криво ухмыльнувшись, спросил гребец, который был один в лодке. — Я так и знал, что тебе повезло, — заметно по следу.

— Вот как! — сухо ответил старик. — Значит, тебя уже выпустили?

— Да, приятель.

Теперь на воде лежал мягкий лунный свет, и человек во второй лодке, пропустив первую вперед на половину длины, стал пристально разглядывать след за ее кормой.

— Только я тебя завидел, сразу же сказал себе: «Вон Старик, и опять ему повезло, ей-богу повезло!» Это веслом задело, приятель, не беспокойся, я-то до него и пальцем не дотронусь.

Этими словами он отвечал на нетерпеливое движение старика и, подняв весло, ухватился рукой за край его лодки.

— Довольно уж его побило, Старик, хватит, — уж я-то вижу. Верно, давненько мотается по реке взад и вперед, а, приятель? Видишь, до чего мне не везет! Надо полагать, последний раз его пронесло мимо меня приливом, когда я сторожил вон там, под мостом. А ты, мне думается, издали их чуешь, словно коршун.

Он понизил голос и несколько раз взглянул на Лиззи, которая снова закрыла лицо капюшоном. Мужчины смотрели на след за кормой, словно околдованные, с выражением странного интереса.

— Вдвоем мы с ним шутя справимся. Забрать, что ли, его к себе, приятель?